

Жансейт ТҮЙМЕБАЕВ

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ВЫДЕЛЕНИЯ МОНГОЛЬСКИХ
ЗАИМСТВОВАНИИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Мақалада монгол және қазақ тілдерінің (жалпы түркілік) тарихи байланыстарын анықтаудың әдістері мен жолдары қарастырылады. Осының негізінде монгол тілдеріндегі түркілік лексикалық кірмелер мен қазақ тіліндегі монгол кірме сөздері жіктеледі. Осы міндеттерді шешу үшін автор көне түркі ескерткіштерінің лексикасына салыстырмалы талдау жасайды.

Makalede, Moğol ve Türk dilleri (Genel Türk) tarihi ilişkilerinin tespit yöntemleri ve yolları incelenir. Böylece, Moğol dilinde Türk leksik alıntılar ve Kazak dilinde Moğol alıntı kelimeler sınıflandırılır. Bu meseleye çözüm bulma doğrultusunda, yazar, Türk yazıtlarının leksik yapısı üzerinde mukayeseli tahlil uygular.

Основной и первоочередной задачей нашего исследования является выяснение способов, путей и направлений исторического взаимодействия монгольского и казахского (шире – тюркских) языков и, на этой основе, разграничение тюркских лексических заимствований в монгольских языках и монгольских – в казахском (шире – тюркских).

Поскольку объектом нашего сравнительно-сопоставительного исследования являются заимствования, важное значение приобретает отбор критериев определения исконной принадлежности слов и морфологических показателей к тюркской или монгольской группам языков. Что может служить основанием для отнесения того или иного анализируемого слова к тюркскому или монгольскому лексическому фонду, каковы главнейшие ориентиры в установлении источника заимствования – вот те вопросы, которые имеют первостепенное значение для успешного выполнения всей работы и которые требуют исчерпывающе ясного и убедительного ответа. Решение этих вопросов является насущной необходимостью в ходе любого исследования тюркско-монгольских языковых взаимоотношений и взаимосвязей; так как многовековые и тесные контакты между ними – очевидный и общепризнанный факт.

Одним из важных технических приемов сепарации тюркских лексических заимствований в монгольских языках от монгольских лексических заимствований в тюркских (в том числе и в казахском) является сравнительное изучение лексики, зафиксированной в ранних письменных памятниках этих языков. Значительная типологическая близость монгольских и тюркских языков вызывает у исследователей данной проблемы огромные трудности при выяснении истинных генетических истоков материально близких слов. Только обращаясь к свидетельствам ранних письменных памятников тюркских и монгольских языков, путем сравнительного изучения отраженных в этих памятниках лексических фондов обеих языковых семей, удастся достаточно убедительно установить первоначальную генетическую принадлежность анализируемого слова. Основным критерием определения

принадлежности исследуемого слова к тюркскому или же монгольскому языку является тот факт, что в ранних тюркских письменных памятниках до XII в. включительно заимствования из монгольских языков представлены в крайне ограниченном количестве. Они обнаруживаются главным образом в списках рукописей, составленных в XIII и XIV вв., и в памятниках, написание или редактирование которых происходило в необычных условиях [1.13].

Из сказанного следует, что в период до конца XII в. включительно тюркско-монгольские языковые контакты имели одностороннюю направленность: лексические заимствования в основном проникали из тюркских языков в монгольские. Следовательно, если общее для тюркских и монгольских языков слово нашло отражение в ранних письменных памятниках тюркских языков (до конца XII в. включительно), оно скорее всего может быть квалифицировано как исконное в тюркских языках и как тюркское заимствование в монгольских. Однако, как обоснованно предупреждает А.М. Щербак: «Изучение этой группы параллелей сопряжено с определенными трудностями и осуществимо лишь при условии всестороннего учета имеющихся материалов» [1.14].

Ранние тюркские памятники (VII-XII вв.)

Ранние тюркские памятники относятся к домонгольской эпохе. Нижняя хронологическая граница определяется на основании приблизительной датировки древнейших рунических, а также манихейских памятников эпохи первых тюркских каганатов.

Памятники орхонской и енисейской рунической письменности наиболее древние из сохранившихся до настоящего времени. Они представлены прежде всего шестью крупными надписями на стелах: памятник в честь Кюль-Тегина, памятник Бильге-кагану, памятник в честь Тоньюкука, Онгинский памятник, памятник Моюн-чуру и памятник Куличуру. Наряду с крупными памятниками имеется значительное количество более мелких надписей, порой фрагментарных, трудно поддающихся однозначной дешифровке и переводу. Сохранилось также несколько рукописей: фрагменты религиозного и магического содержания, среди них довольно крупный – «Гадательная книжка» («İrq bitig»).

Монгольские памятники рунического письма, представляющие собой, как правило, графически упорядоченные, цельные по содержанию, довольно пространные и принципиально значимые тексты. В рунических надписях из Монголии довольно много эпизодов из истории народов Центральной Азии и Восточного Туркестана и, шире, среднеазиатской истории, из жизни крупнейших политических деятелей Восточнотюркского каганата, из области взаимоотношений каганата с соседними государствами. Надписи из Монголии занимают центральное место среди всех известных локально-территориальных групп тюркских рунических и руноподобных систем письма.

Первые рунические тексты Монголии были открыты в 1889 году Н.М. Ядринцевым в ходе обследования им урочища Кошо-Цайдам, примерно в 400 км западнее Улан-Батора. Это были знаменитые надписи на стелах, поставленных в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана.

Будучи самыми внушительными по количеству рунических знаков и объему текста, самыми совершенными по качеству исполнения, рунические надписи из Монголии постоянно находятся в центре внимания широкого круга специалистов. Именно рунические памятники из Монголии, прежде всего орхонские надписи, сыграли и продолжают играть главную роль в формировании взглядов востоковедов на специфику древнетюркского языка и характер рунической письменности тюрков.

В горно-степных просторах Монголии сосредоточены крупнейшие памятники рунической письменности древних тюрков, перечень которых можно найти в специальных работах [2.71-81; 3.92-95]. Находки последних десятилетий позволили нанести на карту распространения тюркской рунической письменности районы Северо-Западной и Южной Монголии – Монгольский Алтай и юго-восточную часть Гоби. Это обстоятельство во многом меняет прежнее представление о границах распространения ареала орхонской рунической письменности. Причем каждая зона новых находок содержит, как правило, не одну надпись, а целую группу их [2.71-81; 3.92-95; 4.32-34; 5.12-15).

Памятник в честь Тоньюкука (между 712 и 716 гг.) находится в 36 км к юго-востоку от Улан-Батора, в урочище Баин-Цокто. Памятник открыт в 1897 г. Е.Л. Клеменц. Он состоит из двух хорошо отшлифованных стел, расположенных друг против друга параллельно восточной стене самого храма Тоньюкука. Высота южного столба, содержащего начало надписи (строки 1-36), составляет 1 м 70 см, северный столб несколько ниже, 1 м 60 см, и содержит строки 37-62. Обе четырехгранные стелы хорошо отшлифованы и прекрасно сохранились [6.1-122; 7.37-43; 8.97-124; 9.54-73; 10.125-132; 11.24-27; 12.13].

Памятник Кули-чуру (721 г.?) – обнаружен в местности Ихе-Хушоту в Монголии, недалеко от Улан-Батора. Тюркская надпись размещена на четырех гранях стелы и выполнена орхоно-енисейским руническим письмом, но прочитывается с лакунами только 29 строк на трех гранях стелы [14.25-30; 8.133-151; 15.257-258, 293-295; 16.7-33, plates I-VI). Памятник открыт в 1912 году В.Л. Котвичем [17.60-107].

Стела в честь Кули-чура представляет собой гранитную плиту высотой 1 м 90 см, шириной 61 см и толщиной 16 см. К сожалению, текст памятника сохранился в сильно испорченном виде и читается с большим трудом. На северной стороне плиты надпись полностью выветрилась, с трудом удалось в какой-то мере прочесть 13 строк на восточной, 12 – на западной и 4 – на южной сторонах стелы. Всего удалось прочесть чуть более 300 слов.

Памятник посвящен современнику Бильге-кагана и Тоньюкука, предводителю племени тардушей Кули-чуру. Упоминания дат жизни и

смерти Кули-чура в надписях не сохранились, только известно, что он прожил 80 лет. А. фон Габен пришла к заключению, что Кули-чур погиб во время похода на Табчыг в год обезьяны, т.е. 721 г. [18.29].

Онгинский памятник (около 731 г.) обнаружен вблизи притока реки Онгин в 180 км к югу от горного плато Кошо-Цайдам в Монголии. Тюркская надпись, выполненная орхоно-енисейским письмом, располагается на двух гранях стелы и на отдельном камне. На широкой лицевой грани содержится надпись из восьми строк, на боковой грани – из четырех строк, на лицевой же грани размещена еще дополнительная надпись из семи горизонтально направленных строк; а на отдельном камне находится надпись из одной строки. Таким образом, Онгинский памятник содержит всего 12 строк хорошо сохранившейся и 7 строк трудно читаемой надписи.

В верхней части Онгинской стелы выбит стилизованный силуэт рогатого копытного животного (горного козла?), в основном повторяющий мотив основных орхонских надписей, но содержащий несколько дополнительных графем. Из-за плохой сохранности памятник изучался крайне мало. Имеющиеся варианты прочтения, толкования и перевода зависят в основном от первой публикации В.В. Радлова [19.243-256]. Известны переводы Х.Н. Оркуна [8.1, 125-132; III, 216-217], С.Е. Малова [14.7-11] и Дж. Клоусона [20.177-192].

В.В. Радлов считал, что Онгинская надпись посвящена Кутлуг-кагану – основателю Второго тюркского каганата, умершему в год дракона, т.е. в 692 году, но через несколько лет он усомнился в этой дате. Однако его сомнения разрешил П. Пельйо, установив, что Кутлуг умер в 691 году [21]. Таким образом, Онгинскую надпись можно считать одним из наиболее ранних памятников тюркской рунической письменности [18.30], но имеются и вполне обоснованные более поздние датировки этого памятника.

Памятник в честь Кюль-Тегина (732 г.) с горного плато Кошо-Цайдам в долине р. Кокшин-Орхон, притока Орхона в Монголии. Двуязычная тюркско-китайская надпись выполнена на мраморной стеле, тюркская часть текста выбита орхоно-енисейским письмом. Различают «большую» и «малую» части надписи: «большая» надпись выбита на широкой лицевой грани стелы и содержит 13 строк; остальные строки, с 14 по 53, «большой» надписи размещены на широкой лицевой и боковой гранях стелы; надписи на стесанных углах стелы и две строки тюркского текста на той грани, где находится китайский текст, подключены как продолжение 53 строки «большой» надписи; «малая» надпись из 13 строк занимает одну из боковых граней стелы [22; 9.19-55; 8.22-55; 12].

Кюль-тегин – сын Кутлуга, младший брат Могиляна (Бильге-кагана), родился в начале 685 г., скончался 731 г.

Памятник в честь Кюль-тегина имеет форму усеченной пирамиды, высота которой 3 м 15 см, ширина основания 1 м 24 см, толщина 41 см. Верхняя часть плиты высечена в форме пятиугольного щита. На одной из сторон щита изображена каганская тамга, на другой – китайская надпись,

содержащая дату сооружения памятника – 1 августа 732 г. Памятник с трех сторон покрыт древнетюркскими руническими надписями, а с четвертой – китайским текстом [18.16-21].

Памятник Бильге-кагану (~хану Могилян) – тюркско-китайская двуязычная надпись на мраморной стеле, датирована 735 г. Памятник с горного плато Кошо-Цайдам в долине р. Кокшин-Орхон, правого притока р. Орхон. Курпный памятник, тюркская часть надписи которого выполнена орхоно-енисейским письмом, содержит около 4,5 тыс. рун [14.11-25; 8. I, 22-42, 56-79]. Стела Бильге-кагана имеет высоту 3 м 45 см, ширину 1 м 74 см и толщину 72 см; по художественному оформлению и содержанию текста во многом сходна с памятником в честь Кюль-тегина. Из текста памятника следует, что Больше-каган, сын Гудулу, был старшим братом известного в свое время тюркского принца и полководца Кюль-тегина. Родился Могилян (Больге-каган) в конце 683 г. и умер в конце 734 или в начале 735 г.

Памятник значительно пострадал от времени. На одной стороне щита имеется плохо сохранившаяся надпись орхонским письмом, под которой на основной поверхности находится китайский текст. На другой стороне щита выбита тамга кагана, а ниже, на основной поверхности плиты размещается 41 строка рунического текста, продолжением которого являются еще 15 строк на левой боковой стороне стелы. Еще 15 строк текста выбиты на правой боковой поверхности плиты. Четыре грани памятника стесаны и также были покрыты руническими надписями, но сохранились, к сожалению, надписи лишь на двух из них. Основное содержание памятника сводится к перечислению и краткому описанию многочисленных походов и сражений «небоподобного, неборожденного тюркского кагана» Могиляна или Бильге-кагана (Мудрого кагана) [18.21-24].

Памятник Моюн-чору («Селенгинский камень») (около 759 г.) – тюркская надпись орхоно-енисейским письмом на четырех гранях памятной стелы, обнаруженная Г.Й. Рамstedтом в 1909 году в Северной Монголии вблизи реки Селенги и озера Шинэ-усу [23.10-37]. Памятник посвящен первому из каганов уйгурской династии Моюн-чору, вступившему на престол в 745 году. Текст памятника повествует о появлении уйгуров на Орхоне и становлении Уйгурского каганата. Моюн-чор в 745 году убил последнего правителя Второго тюркского каганата Озмыш-тегина. Уйгурам после этого пришлось выдержать отчаянную борьбу с представителями тюркского каганата, а также басмылами, карлуками, татарами и другими могущественными племенами, населявшими Монголию, Саяно-Алтайское нагорье и его окрестности. Памятник, кроме лингвистического, имеет неоценимое историческое значение. К сожалению, некоторые места текста Селенгинского камня испорчены и читаются с большими лакунами. Особенно не поддаются связному чтению строки от 29 до 49, и эта часть переводится преимущественно в виде отдельных слов и кратких словосочетаний. В целом Селенгинский памятник изучен еще недостаточно глубоко [14.30-44; 24.40-49; 25.88; 8. I, 164-185].

В тюркологической литературе считается, что этот памятник написан на древнеуйгурском языке. Действительно, язык Селенгинского камня, по исследованиям С.Е. Малова, отличается от языка других орхонских памятников специфическими особенностями системы форм глагола [14.30].

Селенгинский камень интересен и тем, что этот памятник уйгурскому кагану Моюн-чору выполнен традиционным для древних тюрок Монголии орхонским вариантом рунической письменности, а не уйгурским шрифтом [18.31-33].

Улангомская надпись (VIII в.) – на камне древнетюркским руническим письмом; обнаружена в 1955 году на территории Убсунурского аймака в местности Хаар-ус, в 50 км к северо-западу от города Улангома монгольским археологом Ц. Доржсурэном. Недалеко от этого памятника, на восточном склоне другого кургана, у насыпи был обнаружен второй камень с уйгурской надписью – единственная находка древнеуйгурского эпиграфического памятника на территории Монголии [26.17].

Небольшой по объему языкового материала Улангомский памятник впервые был изучен и прочитан А.М. Щербаком [27.45-47; 28.23-25; 5.120-126]. К настоящему времени известно несколько публикаций Улангомского памятника и ряд работ по его расшифровке и изучению графических и лингвистических особенностей [29.45-47; 27.34-36; 30.26-28; 31.292-293; 32.290-292; 33.231; 34.137-144]. Обзор истории изучения, новое прочтение и уточненный перевод текста надписи осуществлены А.М. Щербаком [5.120-126].

К орхонским руническим памятникам из Монголии относятся также другие мелкие письменные памятники, среди которых заслуживают краткого упоминания следующие:

1) *Суджинская надпись* – обнаружена возле холма Суджин-даван в Монголии (11 строк, 260 рун) [23.3-9; 9.76-79; 35.84-90; 8. I, 153-159];

2) *Памятники Хойто-Тамира* – десять коротких надписей (от десятка до нескольких десятков рун орхонского алфавита) графемами «курсивного» начертания черной краской на отдельно стоящей скале [14.46-54; 36. 260-268; 37. II, 107-117];

3) *Памятники из местности Ихэ-Асхете в Монголии* – надписи орхонским вариантом рунического письма на двух намогильных камнях (всего 193 руны) [14. 44-46; 37. II, 121-127];

4) *Памятник Ихэ-Хануйн-нор* [38. 238-255];

5) *Надписи скалы Тайхир* (Хойто-Тамир) [39.100-109];

6) *Чойрэнская надпись* [40.90-109];

7) *Надпись на стеле из окрестностей Уланкома*;

8) *Хэнтэйские рунические надписи* [3. 149-151; 41.156-158];

9) *Терхинская надпись* [40. 82-95];

10) *Сэврэйский камень* [42.106-112] и ряд других более мелких памятников [2.71-81; 3. 92-95; 4.32-34].

Енисейские памятники рунического письма – различного рода надписи орхоно-енисейским письмом, открытые в разных местах в бассейне р. Енисей – в Туве, Хакасии, Минусинской котловине; отдельные памятники обнаружены в местностях, относящихся к бассейнам рек Тес-Хем (Южная Тува), Чулым – Обь (Северная Хакасия). В верховьях Енисея, в пределах Саянского нагорья, т.е. на территории Республики Тува, по среднему течению – в Минусинской котловине, главным образом, на территории Республики Хакасия, – начиная с XVIII в. обнаружено свыше 150 памятников тюркского рунического письма. Наиболее значительные этапы открытия, дешифровки и изучения рунических памятников бассейна Енисея, Хакасии и Тувы получили подробное освещение в специальной работе А.М. Щербака [5.15-18], поэтому мы ограничимся упоминанием только некоторых наиболее значительных работ. В рамках нашей темы важным подспорьем являются монографические исследования «Язык енисейских памятников древнетюркской письменности» [43], «Современная и древняя енисейка» [44], а также три выпуска альбома древнетюркских рунических памятников Тувы [45. т. I-III], выполненные И.А. Батмановым и его учениками и единомышленниками. Непреходящи капитальные труды Х.Н. Оркуна [8] и С.Е. Малова [35;14].

Самое значительное, важное для сравнительно-сопоставительных исследований и чрезвычайно ценное по объему содержащихся в нем информации – это издание свода енисейских рунических памятников письменности, подготовленное и осуществленное недавно Д.Д. Васильевым [4]. Эта работа отличается высоким профессионализмом и тщательной обработкой материала, его систематизацией и, главное – уточненной транслитерацией.

Наиболее значительные и достаточно хорошо сохранившиеся енисейские памятники недавно изданы И.В. Кормушиным. На основании длительного и неоднократного личного изучения оригиналов автору удалось внести большое количество поправок и уточнений в состав знаков, чтение и перевод 56 енисейских рунических эпитафий [46]. Материал енисейских памятников в нашей работе в основном почерпнут из этого издания, а сведения более ранних источников выверены по указателю слов, приложенному к исследованию И.В. Кормушина.

Горно-алтайские памятники рунического письма – это различного рода надписи «орхоно-енисейским» письмом, открытые на территории Алтая – крайней северной периферии распространения рунического алфавита тюрков, которую обычно называют енисейской. Однако следует отметить, что своеобразие начертаний графем, уровень выполнения текстов, их содержание и композиция ставят горноалтайские памятники в несколько изолированное положение.

Находки письменных памятников с руническим письмом (и рунообразными знаками) на Алтае довольно многочисленны и в настоящее время приближается к шести десяткам [47.62-66; 48.262-265; 49.95-101; 50. 65

-83; 51.82-84; 52.68-73; 4.35-37; 53.73-76; 54.81-88; 55.53-54; 56.40-69; 5.21-22). Тем не менее, говорить о широком практическом использовании руники на Алтае не приходится. Абсолютное большинство горноалтайских памятников небольшого размера, с произвольно расположенным текстом и небрежно вырезанными знаками, что иногда даже затрудняет их однозначное прочтение. Очевидно прав А.М. Щербак, утверждая, что «здесь мы имеем дело с руническим письмом Южной Сибири на «затухающей» стадии его существования» [5.21]. А.М. Щербак также подчеркивает, что «нет ни одной надписи, которая заключала бы в себе связный и более или менее законченный по содержанию текст» [5.22]. И.Л. Кызласов вполне обоснованно подчеркивает также, что горноалтайские рунические памятники характеризуются «систематически несоблюдением норм классической рунической орфографии», смешением знаков велярных и палатальных согласных, отсутствием четкого разграничения графических средств, передающих гласные звуки и т.п.» [57.126-129].

К сожалению, на современном этапе изученности горноалтайские памятники рунической письменности не могут предоставить сколько-нибудь надежного и оригинального материала для изучения истории тюркско-монгольских лексических взаимоотношений домонгольской эпохи.

Памятники из Восточного Туркестана представлены руническими надписями двух видов: посетительскими граффити на фресках и штукатурке пещерных храмов и Турфакском оазисе и в виде рукописных текстов. Особое значение имеют образцы тюркского рунического письма на бумаге, относящиеся к периоду расцвета древнеуйгурских городов и торговли. Наиболее полный перечень текстов из Восточного Туркестана, хорошо документированных, с транслитерацией, транскрипцией, глоссарием и комментариями опубликован О.Ф. Серткай [58.133-164; 11.225-226, 277-302]. Тексты на бумаге из турфанских находок отмечены в списке источников «Древнетюркского словаря» [59.ХХХІІІ-ХХХV].

Среди восточнотуркестанских памятников рунической письменности по своему объему и характеру исполнения выделяется так называемая «Гадательная книга» («Irq Bitig») – единственное полностью дошедшее до нас сочинение, написанное руникой на бумаге. Этот памятник заметно отличается от известных орхонских и енисейских текстов как по объему и составу лексики, так и особенно начертаниями рун. «Гадательная книга» была обнаружена в начале прошлого века в Дунь-хуане, в настоящее время хранится в Британском Музее [60.326-369]. Этот уникальный в своем роде памятник «курсивной» рунической письменности неоднократно издавался [61.1025-1036; 62.190-214; 37.ІІ, 69-93; 9.80-92], Дж. Клоусон провел сравнительное изучение всех опубликованных вариантов «Irq Bitig» и опубликовал свои критические замечания [63.218-225]. Последнее по времени издание текста «Гадательной книги» с транскрипцией и переводом на английский язык с комментариями было осуществлено Т. Текином в 1993 году. Издание снабжено факсимиле рукописи, глоссарием и обширной

библиографией [64].

Были высказаны разные точки зрения по поводу датировки рукописи «Гадательной книги». Дж. Клоусон наиболее вероятной датой составления дошедшего до наших дней списка «Iṛq Bitig» считал IX век, но при этом он решительно заявил о том, что сохранившаяся рукопись является не авторским оригиналом, а копией с более раннего протографа [63.218-219]. М. Эрдал в сущности поддерживает точку зрения Дж. Клоусона, но вместе с тем подчеркивает, что сохранившийся список, выполненный руническим письмом, снят с более ранней рукописи, написанной уйгурской графикой [65.106]. А.М. Щербак подчеркивает, что нет ни прямых, ни косвенных свидетельств того, что список «Iṛq Bitig» составлен ранее второй половины VIII века [5.20].

Другие памятники рунической письменности из Восточного Туркестана незначительны по объему языкового материала и фрагментарны. Среди них достойны упоминания: 1) рукописные фрагменты из урочища Тойок в 15 км восточнее Иди-Кута в Турфанском оазисе (Северо-Западный Китай) [37.II, 57-59, 97; 66.307-314; 67.1047, 1061; 37.24, 175-183]; 2) Турфанская группа фрагментов рунического содержания [67.1047-1061; 37.175-183]; 3) надпись на обороте списка уйгурской рукописи буддийской сутры «Sekiz jükmäk» [68.92-192]; 4) четыре кратких фрагмента из Мирана [62.181-227]; 5) группа фрагментов из Дунь-хуана религиозно-философского содержания [62.181-227]. Материалы этих памятников в той или иной степени получили отражение в «Древнетюркском словаре», откуда мы и брали необходимый сравнительный материал.

Посетительские граффити на штукатурке пещерных храмов, надписи на фресках и наскальные надписи из Турфана [4.37-38] особой ценности для нашей темы не представляют.

Памятники Северной Киргизии и Казахстана немногочисленны и противоречивы, но тем не менее, их значение, как находящихся примерно в середине миграционных путей древних тюрок из Центральной Азии в Восточную Европу, весьма велико. Рунические памятники из Восточного Казахстана и Северной Киргизии обнаруживают существенные графические и орфографические особенности по сравнению с классическими орхонскими и енисейскими текстами, хотя принципиальную связь между ними отрицать невозможно [5.21]. В этой группе памятников мы имеем, с одной стороны, надписи, отличающиеся более или менее традиционными палеографическими особенностями и хронологией, с другой – ряд находок, представляющих собой образцы руноподобных надписей, но довольно далеких от тюркской рунической письменности других регионов [4.38; 54.98-100].

Руническая эпиграфика на территории Восточного Казахстана в целом оставляет впечатление одной из окраин ареала распространения рунической письменности и напоминает предположение С.Е. Малова о «бродячих грамотеях». В этом отношении памятники из Восточного Казахстана

наиболее близки к руническим надписям из Горного Алтая. Значительную часть графических знаков восточноказахстанских памятников можно определить как варианты тех или иных распространенных в данном ареале графем с большой натяжкой и лишь условно. Видимо, поэтому немалая часть исследователей не признают распространенную севернее Таласа эпиграфику как руническую, предлагая гипотезы о принадлежности этих текстов носителям письменных языков, весьма отдаленных от данной историко-географической зоны, или письменных языков, неизвестных до сих пор» [4.39]. По этим соображениям в тюркологии казахстанские и таласские памятники традиционно рассматриваются по отдельности. Однако Д.Д. Васильев счел возможным объединить в одну группу рунические эпиграфики Северного Кыргызстана и Восточного Казахстана. «Рассмотрение данных исторических территорий в рамках одного региона может показаться неправомерным, – пишет он, – однако существование в науке совершенно различных точек зрения на руническую эпиграфику севернее Таласа не позволило в ходе исследования ... выделить последнюю в отдельный регион» [4.39].

Руническая эпиграфика Казахстана представлена небольшими по объему и трудно поддающимися однозначной и убедительной интерпретации памятниками, поэтому в данной работе в основном используются лишь лексические материалы таласской группы памятников.

Таласские памятники. История открытия и изучения таласских памятников изложена в статье М.Е. Масона [69.5-15]. Таласские памятники из урочища Айртам-Ой обнаружены учителем Гастевым и аулиеатинским уездным начальником В.А. Каллауром в 1896 году в 7 км от г. Таласа [70.799-806; 14.57]. Тексты таласских надписей с переводами и комментариями издавались многими тюркологами [71.17-38; 14.57-68; 72; 73; 74]. Читением, переводом и толкованием занимались В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, С.Е. Малов, Ю. Немеет, Х.М. Оркун, И.А. Батманов, А.М. Щербак и др. [43.12; 18.12-15; 5.20-21, 127-134].

В урочище Айртам-Ой на небольшой территории обнаружено 6 рунических памятников на валунах одинаковой округлой формы: два из них были обнаружены в 1896 году, часть камней к этому времени уже была задернована и обнаружилась при вспашке только в 1961 году. К концу 70-х годов прошлого века в долине р. Талас были обнаружены в общей сложности 12 рунических памятников, в том числе 11 каменнописных и один – на деревянной палочке (Ачикташская палочка) [72.4-8; 4.38-41; 5.125-129].

Для определения хронологических рамок времени составления каменнописных памятников из долины р. Талас нет каких-либо надежных ориентиров. Исследователи таласских надписей обычно относят их к второй половине VIII века [14.63]. Однако С.Г. Кляшторный, принципиально придерживающийся такой же точки зрения, допускает возможность составления их и в более ранний период – в промежутке между 716 и 739 годами [75.221]. По мнению Г.Гейкеля, типологически таласские надписи

тесно смыкаются с енисейскими, но находятся на значительно более низкой ступени с точки зрения стиля и содержания [5.128].

Исследователи обычно подчеркивают незначительность таласских текстов по размерам и «обыденность» содержания.

Ачикташская палочка. Надпись на деревянной палочке из урочища Ачик-таш в долине Таласа до сих пор не имеет общепринятого однозначного прочтения. С.Е. Малов, несмотря на предложенный им самим первый вариант чтения, первым же высказал сомнение в принадлежности надписи к тюркским рунам [14.68].

Палочка обнаружена в 1932 году И.Ф. Мариньяниным в древних разработках при проходке геологического шурфа на месторождении серного колчедана в урочище Ачик-таш близ ст. Дмитриевской (ныне г. Талас) в бассейне р. Талас. Условия находки палочки в 1932 году изучил М.Е. Массон и передал материалы С.Е. Малову, а палочку в 1933 году – в Государственный Эрмитаж. В 1936 году оба исследователя опубликовали этот уникальный письменный памятник, представив фотографии и прорисовки всех четырех его граней [71.17-38, фиг. 5-9; 69.5-15]. С.Е. Малов предложил вариант прочтения надписи и ее палеографический анализ. В 1940 году Х.Н. Оркун переиздал фотографии и прорисовки М.Е. Масона и С.Е. Малова и предложил свой вариант перевода текста ачикташской палочки.

Принципиально новую попытку транслитерации и прочтения текста предпринял в 1959 году А.М. Щербак, опубликовавший свой вариант графической трактовки знаков и новую фотографию палочки [27.387-388; 5.129-134]. Памятник был издан также Э.Р. Рыгдылоном [77.89], Ч. Джумагуловым [73.22-23] и И.А. Батмановым [72.17-18, 27-30].

С.Е. Малов долго колебался, признать ли надпись на ачикташской палочке за тюркские руны. «Чтение и перевод памятника, сделанные мною, – пишет он, – весьма и весьма предположительны» [14.68]. Х.Н. Оркун прочитал надпись в основном так же, как и С.Е. Малов, но внес свои коррективы в перевод, подчеркнув при этом, что текст является сообщением одному из предводителей войска.

Как видим из этого беглого обзора литературы, большинство исследователей, отмечая своеобразие формы графических знаков ачикташской палочки, предполагали им орхоно-енисейские соответствия. Только С.Е. Малов «долго колебался признать надпись на палочке за тюркские руны» и, даже предлагая свой вариант прочтения текста, отмечал, что его сомнение поколеблено лишь отчасти. С.Е. Малов многократно напоминал: «При первом же взгляде на буквы этой палочки видна их своеобразие в сравнении с буквами орхонской, енисейской и восточнотуркестанской рунических письменностей... Некоторые буквы не имеют себе аналогий в других тюркских рунических памятниках... Здесь встречаются новые буквы с неизвестным для меня значением» [71.28-38; 14.63-68].

Очень важно помнить, что одновременно с этим С.Е. Малов особо подчеркивал, что «с внешней стороны буквы палочки весьма похожи на печенежское письмо и венгерские резы», имея в виду надьсентмиклошские и секельские надписи [78.397-536]. А.М. Щербак значительно развил это исследовательское направление, отметив большое сходство знаков на палочке с рунами на памятниках южнорусских степей. В 1971 году он писал: «Несмотря на тщательность исполнения и хорошую сохранность большей части надписи, чтение ее при помощи орхоно-енисейского рунического алфавита, по существу, оказалось невозможным» [79.81]. На близость начертаний графических знаков ачикташской палочки с руноподобными надписями Восточной Европы обратил внимание и Д.Д. Васильев [4.75]. Высказанное впервые А.М. Щербаком мнение о палеографическом родстве письма ачикташской находки с южнорусскими донским и кубанским алфавитами в последнее время получило обоснованную поддержку со стороны И.Л. Кызласова [54.56-65, 279-282]. Хотя надпись на ачикташской палочке нельзя считать дешифрованной, уже сейчас, особенно после появления работ И.Л. Кызласова [80, 54] и А.М. Щербака [5], выясняется определенная генетическая связь между центральноазиатскими и восточноевропейскими очагами рунической письменности. В последнее время многие исследователи руноподобные алфавиты Восточной Европы связывают с древними булгарами (протобулгарами) [81, 54].

В связи с этим палочка из Ачикташа представляет особый интерес, так как занимает промежуточное положение между центральноазиатским и восточноевропейским ареалами рунической письменности. Она – промежуточная в двойном смысле – как по характеру рунических знаков, так и по месту находки. А.М. Щербак по этому поводу совершенно справедливо пишет: «Несомненно, графическое положение Таласа – совершенно особое, и в распространении рунического алфавита оно имеет чрезвычайно важное значение. Путь, по которому тюркские руны перемещались с Востока на Запад, вероятнее всего, проходил через Семиречье, так как другого места компактного расположения рунических надписей на указанном пути не обнаружено... Таким образом, Таласская надпись является в определенном смысле ключевой, и было бы большой ошибкой обходить ее молчанием или по меньшей мере не замечать ее уникальности как с точки зрения места находки, так и в отношении содержащихся в ней знаков» [5.83-84]. Следовательно, складываются определенные основания для предположения о связи хотя бы некоторых рунических памятников из Северной Киргизии и Восточного Казахстана, главным образом, с территории Семиречья с протобулгарами (огурами). Наиболее показательным памятником возможного пребывания протобулгар в Семиречье в свете данного предположения является именно специфический рунический алфавит ачикташской палочки. Между тем, открытие генетических связей между руническими алфавитами Восточной Европы и ачикташской палочки открывает новые возможности для конкретизации хронотопологических

параметров древнейших тюркских лексических интерференций в прамонгольский язык, которые выделяются яркими фонетическими и морфологическими особенностями, присущими именно болгарской группе тюркских языков.

Рунические памятники среднеазиатского региона кратки и фрагментарны. В настоящее время известны около 30 рунических и руноподобных надписей из Алтая, Ферганской долины, Северного Тохаристана и Южного Казахстана. В большинстве своем это осколки керамических сосудов и кирпичей с надписями, выполненными до обжига, которые обозначали, по-видимому, имена владельца сосуда, мастера, изготовившего предметы, назначение изделия и т.п. Удовлетворительное прочтение таких надписей в большинстве случаев затруднительно и даже невозможно. Краткость, фрагментарность и немногочисленность среднеазиатских надписей не позволяет исследователям до настоящего времени дать их обоснованное чтение и делает весьма дискуссионным отождествление многих знаков с той или иной графемой известных древнетюркских алфавитов. Далеко не все памятники этого региона могут быть определены как тюркские рунические с полной уверенностью [82.270-274; 83.72-74; 84.147-151; 85.64-66; 4.41-42]. Разумеется, по этим и другим причинам, введение языковых материалов даже более или менее хорошо атрибутированных памятников среднеазиатского региона в исследования сравнительно-исторического плана не целесообразно.

Рассмотренные здесь группы тюркских рунических памятников образуют многоярусную и многоплановую сферу, центральное место в которой занимают наиболее крупные монументальные надписи Монголии, представляющие собой, как правило, графически упорядоченные, цельные по содержанию и принципиально значимые тексты, содержащие значительный лексический материал по древнетюркскому языку. Около десятка надписей из Монголии довольно значительны по объему, они посвящены тюркским и уйгурским каганам и их высшим сановникам, прямо или косвенно датируются в пределах (VIII-IX вв.), в них значителен повествовательный текст о многих эпизодах из истории Центральной Азии и Восточного Туркестана, а также среднеазиатской истории, о взаимоотношениях тюркских каганатов с соседними государствами. Этими факторами определяется непреходящая ценность орхонских надписей как исторических и лингвистических источников.

К памятникам из Монголии вплотную примыкают енисейские эпитафии. Енисейские надписи не датированы, хотя в целом они, как теперь уверены исследователи, относятся к периоду VIII-XI вв. Этническая и государственно-политическая принадлежность енисейских памятников также недостаточно определены. Даже несколько самых крупных енисейских памятников значительно уступают в объеме текстового и лингвистического материала крупным надписям из Монголии. Во многих же других случаях надписи с бассейна Енисея, Хакасии, Тувы и Минусинской котловины

лапидарны и содержат несравнимо меньше повествовательного элемента, причем со многими повторяющимися каноническими выражениями. Вместе с тем, известная трафаретность енисейских эпитафических надписей позволяет достаточно точно и надежно прочесть слова и выражения из состава жанровых клише путем перекрестного сравнения соответствующего материала из целого ряда памятников. Именно по этому енисейские памятники дают возможность скорректировать, в случае необходимости, фонетический облик и значение древнетюркских слов и выражений [46.4-5].

На периферии центрально-азиатской сферы распространения тюркской рунической письменности находятся надписи из Алтая. Еще дальше на окраинах находятся всё или почти всё то, что может быть отнесено к памятникам рунической письменности тюрков условно [5.12].

С учетом всего сказанного, в своей работе мы в основном используем достаточно хорошо проверенный лексический материал из классических орхонских и енисейских памятников, данные же других памятников используются лишь спорадически, только по мере необходимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.М. Щербак Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). – СПб.: ИЛИ РАН, 1997.
2. Васильев Д.Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // Сов. тюркология. – Баку, 1976. – № 1.
3. Васильев Д.Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири // Тюркологический сборник: 1975. – М., 1978.
4. Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала: (Опыт систематизации). – М.: Наука, 1983. – 160 с.
5. А.М. Щербак Тюркская руника: Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. – СПб.: Наука, 2001. – 147 с.
6. Radloff W. 1892-1899: Atlas der Mongolei (Arbeiten der Orchon-Expedition). – СПб., 1892. – Вып. 1; СПб., 1893. – Вып. 2; СПб., 1896. – Вып. 3; СПб., 1899. – Вып. 4.
7. Ross E. D. The Tonjukuk inscriptions // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – London, 1930-1932. – Vol. VI. – P. 37-43.
8. Orkun H. N. Eski Türk Yazıtları. İstanbul, 1939-1941. – I-IV cild; 2-е изд.: Ankara, 1987.
9. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. – М.; Л., 1951.
10. Clauson G. Some notes on the inscription of Toñuquq // Studia Turcica. – Budapest, 1971. – P. 125-132.
11. Sertkaya O. F. Fragmente in altürkischer Runenschrift aus den Turfan-Funden // Probleme der köktürkischen Geschichte. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları. – Ankara, 1995. – Cildi: 131. – Seri: IV. – Sayı: A. 40. – 225-226 s.
12. Tekin T. Orhon yazıtları. – Ankara, 1988.
13. Tekin T. Tonyukuk yazıtı. – Ankara, 1994.
14. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. –

М.; Л., 1959.

15. Tekin T. A grammar of Orkhon Turkic. – The Hague; Bloomington, 1968. (UAS, 69).
16. Clauson G., Tryjarski E. The inscription at Ikhe-Khushotu // Rocznik Orientalistyczny. – Kraków, 1971. – Vol. 34. – № 1. – P. 7-33.
17. Kotwicz W., Samoïlovitch A. Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale. I: Description du monument // Rocznik Orientalistyczny (1926) – Lwów; Kraków, 1928. – Vol. 4. – P. 60-92.
18. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата, 1971. – 380 с.
19. Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei: 3 Lfg.: Verbestserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Kosco-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissej. – SPb., 1895.
20. Clauson G. The Ongin inscription // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – London, 1957. – October. – P. 177-192.
21. Pelliot P. Neufnontes sur des Questions d'Asie Centrale // T'oung Pao. Leiden, 1929. – Vol. 26.
22. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – СПб., 1899. – Т. XII. – Вып. 2-3. – С. 1-144.
23. Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongols, II: Die inschrift der Grabsteins am Sūdži // Journal de la Société Finno Ougrienne. – Helsinki, 1913-1918. – Bd. 30. – Hf. 3. – S. 3-9.
24. Рамстедт Г.Й. Перевод надписи «Селенгинского камня» // Труды Троицко-савско-Кятхинского отделения РГО. – СПб., 1914. – Т. XV. – Вып. 1. – С. 40-49.
25. Thomsen V. Samlede Afhandlinger. – Kopenhagen, 1922. – Bd. III.
26. Доржсурен Ц. Изучение историко-археологических памятников Монголии. – Улан-Батор, 1957.
27. Щербак А.М. Огуз-наме. Мухаббат-наме: Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. – М., 1959.
28. Щербак А.М. 1961 а: Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
29. Вандуй Э. Увсын Хар усны гэрэлт хөшөө // Шинжлэх ухаан, техник. – Улаанбаатар, 1958. – № 3. – С. 45-47.
30. Кляшторный С.Г. 1961 а: К историографической оценке Уланкомской надписи // Эпиграфика Востока. – М.; Л., 1961. – Вып. XIV. – С. 26-28.
31. Кляшторный С.Г. 1963: По поводу интерпретации Уланкомской надписи (Письмо в редакцию) // Сов. археология. – М., 1963. – № 4. – С. 292-293.
32. Rinçen Y. Mélanges archeologiques. Les inscriptions inconnues sur pierre et les plaques d'or ornementées du harnais de Tonyoucuc // Central Asiatic Journal. – Wiesbaden, 1959. – Vol. IV. – № 2. – P. 290-292.
33. Zieme P. Uygur yazısıyla yazılmış Uygur yazıtlarına dâir bazı düşünceler // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. – Belleten (1982-1983). – Ankara, 1986.
34. Sertkaya O. F. 1996: Kizil kum (Ulaan gom) yazıtında geçen kisi adı üzerine // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı – Belleten (1994). – Ankara, 1996. – 137-144 s.
35. Малов С.Е. 1952 б: Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. – М.; Л., 1952.
36. Orkun H. N. 1936-1941: Eski Türk Yazıtları. İstanbul, 1939-1941. – I-IV cild; 2-e изд.: Ankara, 1987.

37. Кляшторный С.Г. 1976 б: Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах: (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи) // Тюркологический сборник: 1974. – М., 1976. – С. 238-255.
38. Васильев Д.Д. Графические особенности памятников Хойто-Тамира // Вопросы восточного литературоведения и текстологии. – М., 1975.
39. Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник: 1975. – М., 1978. – С.
40. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. – М., 1971. – Вып. 10.
41. Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1959. – 218 с.
42. Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя енисейка. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. – 249 с.
43. Батманов И.А., Кунаа А.Ч. Памятники древнетюркской письменности Тувы. – Кызыл, 1963. – Вып. 1; 1964. – Вып. 2; 1965 – Вып. 3.
44. Кормушин И.В. 1997: Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 303 с.
45. Тенишев Э.Р. Руническая надпись на утесе р. Чарыше (Алтай) // Эпиграфика Востока. – М.: Л., 1958. – Вып. XII. – С. 62-66.
46. Тенишев Э.Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая // Тюркологический сборник. – М., 1966. – С. 262-265.
47. Сейдакматов К. Древнетюркские надписи в Горном Алтае // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. – Фрунзе, 1964. – С. 95-101.
48. Надеяев В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Известия СО АН СССР: Серия общественных наук. – Новосибирск, 1981. – № 11. – Вып. 3. – С. 65-81.
49. Надеяев В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Алтайский язык на современном этапе его развития. – Горно-Алтайск, 1984. – С. 82-84.
50. Кубарев В.Д. К истории изучения древнетюркской эпиграфики Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 68-73.
51. Кызласов И.Л. Руническое письмо в горах Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 73-76.
52. Кызласов И.Л. 1994 а: Горно-алтайские рунические надписи на стелах // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 81-88.
53. Кызласов И.Л. 1994 б: Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. – М., 1994.
54. Кызласов И.Л. 1997: Стелы с руническими надписями на Алтае: (к выделению местных групп енисейских эпитафий) // Вопросы тюркской филологии, III: (Материалы Дмитриевских чтений). – М., 1967. – С. 40-69.
55. Кызласов И.Л. 1996: Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. – М., 1996. С. 126-129.
56. Sertkaya O. F. Fragmente in altürkischer Runenschrift aus den Turfan-Funden // Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa. – Wiesbaden, 1985. – S. 133-164.
57. ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
58. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. – М., 1992. – С. 326-369.

59. Radloff W. 1910b: Alttürkische Studien, III: Ein Fragment in türkischer Runenschrift // Известия РАН. VI серия. – СПб., 1910. – № 13. – С. 1025-1036.
60. Thomsen V. Dr. M. A. Stein's manuscripts in Turkish "Runic" script from Miran and Tun-Huang // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – London, 1912. – January. – P. 181-227.
61. Clauson G. 1961 a: Notes on the "Irk Bitig" // Ural-Altäische Jahrbücher. – Wiesbaden, 1961. – Vol. 33. – № 3-4. – P. 218-225.
62. Tekin T. Irk Bitig: The book of omens // Turcologica. – Wiesbaden, 1993. – Vol. 18.
63. Erdal M. Irk Bitig üzerine yeni notlar // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. – Belleten. – Ankara, 1977.
64. Thomsen V. Ein Blatt in Türkischer "Runenschrift" aus Turfan // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. – Berlin, 1910. – Bd. XV. – S. 296-306.
65. Le Coq A. von. Köktürkisches auf Turfan // Sitzungberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften Philologische-historische Klasse. – Berlin. 1909. – Bd. 41. – S. 1047-1059.
66. Bang W., Gabain A., Rachmati G.R. Türkische Turfantexte: VI // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philologische-historische Klasse. – Berlin, 1934. – T. 10. – S. 92-192.
67. Массон М.Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // материалы Узкомстариса. – М.: Л., 1936. – Вып. 6-7. – С. 5-15.
68. Малов С.Е. 1929 а: Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас // Известия АН. Отделение гуманитарных наук. – М., 1929.
69. Малов С.Е. 1936 б: Таласские эпиграфические памятники // Материалы Узкомстариса, – М.; Л., 1936. – Вып. 6-7. – С. 17-38.
70. Батманов И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1971.
71. Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. – Фрунзе, 1963. – Вып. I.
72. Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. – Фрунзе, 1963. – Вып. III.
73. Kljashtorny S. G. The date of the ancient inscriptions of Semirechie // Altaica Osloensia: Proceedings from the 32-nd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Oslo, June 12-16. – Oslo, 1989.
74. Örkün H. N. Eski Türk Yazıtları. – Ankara, 1987.
75. Рыгдылон Э.Р. К древнетюркским рунам Прибайкалья // Эпиграфика Востока. – М.; Л., 1953. – Вып. 7. – С. 37-88.
76. Németh J. 1990a: Törökök és magyarok, I: Régi törökök. – Budapest, 1990. – I köt. – 536 l.
77. Щербак А.М. 1971: О морфологическом составе образных глаголов типа бацур-, сацур-, һацур- // Сов. тюркология. – Баку, 1971. – № 3.
78. Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии: Опыт палеографического анализа. – М., 1990.
79. Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волгодонскому и дунайскому ареалам. – Ставрополь, 1989.
80. Заднепровский Ю.А. Тюркские памятники в Фергане // Сов. археология. – М., 1967. – № 1. – С. 270-274.
81. Аманжолов А.С. Две рунические надписи с Сырдарьи // Вестник АН КазССР. – Алма-Ата, 1969. – № 1. – С. 72-74.

82. Аманжолов А.С. Илийские рунические надписи // Вопросы языкознания. – М., 1969. – № 3. – С. 147-151.
83. Аманжолов А.С. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты // Вестник АН КазССР. – Алма-Ата, 1971. – № 12. – С. 64-66.

RESUME

Tujmebaev J. (Moscow)

Diagnostic attributes of allocation Mongolian loan in Turkic languages

In article it is considered findings-out of ways, ways and directions of historical interaction of the Mongolian and Kazakh languages. On this basis differentiation of Turkic lexical loans in the Mongolian languages and Mongolian in Kazakh. The author analyzes comparative studying lexicon in Turkic written monuments.